

Книги
КОЛМА ТОЙБИНА,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

ВОЛШЕБНИК
БРУКЛИН
МАСТЕР

КОЛМ
ТОЙБИН
Мастер

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)-44
Т 50

Colm Tóibín
THE MASTER
Copyright © Colm Tóibín, 2004
All rights reserved

Перевод с английского Елены Калявиной

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-20645-8

© Е. Ю. Калявина, перевод, 2024
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

Изысканная проза.

Филип Пулман

Обязательно к прочтению. Колм Тойбин не просто сочинил захватывающий роман, он сумел таким образом отдать дань уважения Генри Джеймсу. Всем бы нам такой дар и такое везение.

*Элис Сиболд
(автор «Милых костей»)*

В «Мастере» Тойбин шокирующе близко подводит нас к душе Генри Джеймса — а заодно и к тайне самого творчества.

Майкл Каннингем

Литература о реальных исторических личностях, столь внутренне противоречивая, ощущается как часть безудержной эклектики постмодернизма. Правда, подобные примеры существовали и до двадцатого столетия — скажем, Наполеон и русский генерал Кутузов, изображенные Толстым в «Войне и мире», или портреты поэта Петрония, императора Нерона и святого Петра в «Камо грядеши?» Сенкевича. Но до той поры, пока истина не стала абсолютной условностью, имидж не возобладали над фактами, а историческое прошлое не превратилось в чердак, набитый потенциально завлекательными безделками, прославленным мертвецам было дозволено покоиться в оставленных ими записях, документах и свидетельствах их деяний в письмах и рассказах современников. Вымысел довольно близко соприкасается с фактами: к примеру, какой бы фантастической деталью это ни казалось, Джеймс в самом деле прятался среди публики на лондонском представлении пьесы Оскара Уайльда, пока буквально за несколько кварталов катастрофически

разворачивалась постановка его собственной пьесы. Он действительно провел август 1865 года в местечке Норт-Конвей, штат Нью-Гэмпшир, в обществе своих кузин Темпл, и этот месяц подарил ему воспоминания о яркой и дерзкой Минни Темпл, которые легли в основу и «Дейзи Миллер», и «Женского портрета».

Похоже, некое гипнотическое влечение вдохновило Тойбина на масштабную, туманную и прихотливую работу по реконструкции. Тойбин ситуативно точен во всем, что касается Флоренции Джеймса; он детален в описании маршрута от Лэм-Хауса к побережью. Проведя довольно долгое время в Америке, он хорош в описании американца Джеймса, испытывающего ностальгию по «американским голосам, (которые) хоть и полны энтузиазма, однако вовсе не так оригинальны, как они воображают, и не так уж неотягощены историей, как им кажется».

Джон Андайк

Этот великолепный роман Тойбина — трогательное размышление об одиночестве как о кладезе красоты.

Бернхард Шлинк
(автор «Чтеца»)

Колм Тойбин обладает превосходным пониманием величайшего из американских писателей и незримо сопровождает его в Риме, Ньюпорте, Париже, Флоренции и Лондоне Оскара Уайльда. Впрочем, ничто в этой книге не кажется обрывочным или поверхностно-импровизационным. Это хорошо выдержанный труд, достойный Мастера.

Эдмунд Уайт
(автор «Истории одного мальчика»)

Колм Тойбин не просто наблюдает за Генри Джеймсом, он вселяется в него. И под этим неординарным углом зрения он демонстрирует поразительную изобретательность.

Джон Берендт
(автор «Полночи в саду добра и зла»)

Великолепный портрет сложного и страстного человека.

Азар Нафиси
(автор «Читая „Лолиту“ в Тегеране»)

Сотворить роман из жизни писателя, да так, чтобы он оказался подлинным романом, а не замаскированной биографией, — это стратегический подвиг: застенчиво-лукавые интонации и структурная изобретательность Тойбина подспудно гениальны и всегда эффективны. Его передача первых намеков на идеи или предощущений будущих рассказов, как они формируются в мыслях Джеймса, — сама по себе образец писательского волшебства. Этот прекрасный, проникновенный роман вызовет восторг и любовь и у Джеймсианцев, и у не-Джеймсианцев.

Синтия Озик

В конечном счете в этом вся суть Генри Джеймса... которого Тойбин воскрешает в своем блестящем романе.

The Times

Трудно вообразить поклонника Генри Джеймса, которого не захватил бы этот роман — труд о подлинной преданности литературе, созданный писателем, который сам является мастером шикарной прозы и психологических нюансов.

Sunday Telegraph

Один из самых замечательных романов года.

Sunday Herald

«Мастер» дает нам возможность по-настоящему сблизиться с одним из тех, кто мог бы быть Генри Джеймсом.

London Review of Books

В «Мастере» Тойбин возвращает Джеймса к жизни — простая биография на такое не способна.

Esquire

Мало найдется современных романистов, способных выдержать такое психологическое испытание на протяжении всего романа, а Тойбин делает это весьма искусно и убедительно.

Spectator

Тойбин тонко улавливает сложность судьбы Джеймса, его скрытность, его неоднозначное страстное стремление к любви и отказ от надежды ее обрести... Отважная дань уважения писателю, которого серьезные художники и по сей день признают Мастером.

Irish Times

Превосходная книга.

Scotsman

Роман, исполненный прозрений, филигранных cameo и нежного сопереживания мучительной сдержанности человека чувствующего, но так и не осмелившегося на плотскую любовь.

New Statesman

«Мастер» — книга, достойная восхищения.

Daily Telegraph

Дух захватывает... Тойбин демонстрирует — и весьма виртуозно — остроумие и метафорическое чутье, психологическую тонкость и пронзительную остроту фразировки, с которыми великий романист запечатлел нюансы сознания и двуличие светского общества.

Sunday Times

Великолепно сдержанный... этот роман — мастерское, интимное размышление о работе, амбициях, дружбе, желаниях и брэнности.

Chicago Tribune

Такую глубину и чувственность способны предложить лишь немногие авторы... В результате имеем незабываемый портрет одного из самых проницательных социальных исследователей в мире.

The Christian Science Monitor

Непревзойденно... Тойбин пишет благородный и щемяще печальный портрет.

Entertainment Weekly

Западающий в душу, прекрасный роман.

O, The Oprah Magazine

«Мастер» — превосходный, изысканный до мельчайших нюансов портрет.

San Francisco Chronicle

В умелых руках Тойбина перед нами разворачивается цельный и, в конечном счете, трогательный портрет уходящей эпохи.

The Boston Globe

В своем ярком романе Тойбин вообразает личную жизнь этого чрезвычайно закрытого американского романиста. И акт творения, этот деликатный и таинственный процесс, сопряженный с психологическим давлением, Тойбин сумел запечатлеть как нельзя лучше.

People

Это смелая, глубокая и потрясающе интеллектуальная книга.

The Guardian

«Мастер», ведя непринужденную беседу, не читается как просто биография. Тойбин блестяще использует архитектуру эпизодов... Совокупный эффект завораживает.

Minneapolis Star Tribune

Восхитительно яркое произведение.

Kirkus Reviews

Изысканное освещение внутреннего мира Генри Джеймса... оказывает такое изумительное воздействие.

The New York Times

Прекрасно написанный, участливый, приправленный доброжелательным остроумием «Мастер» — мастерски исполненное художественное произведение.

The Courier Post

Негромкий шедевр, работа необычайной серьезности и сопричастности, раскрывающая нам гения во всей его человеческой полноте. И написан этот глубокий роман — не побоюсь этого слова — *мастерски*.

New York Observer

Тойбин написал произведение, в котором чувствуется большое мастерство и изобретательность.

The Weekly Standard

Изумительное литературное достижение.

BookPage

В этом посвящении Генри Джеймсу Колм Тойбин позволяет каждому из нас быть мастером.

Petersburg Times

Даже тот, кто имеет весьма смутное представление о Генри Джеймсе и не читал его книг, может насладиться этим умным и обаятельным романом, который — не на серебряном блюде, но в раскрытых и нежных ладонях — преподносит нам прекрасно проработанный во всех деталях психологический портрет писателя.

Booklist

Трогательный, бесконечно прекрасный роман от автора самой высшей лиги.

The New York Times Book Review

Едва ли не лучшая книга, когда-либо написанная о Генри Джеймсе.

Irish Voice

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. <i>Январь 1895 г.</i>	15
ГЛАВА 2. <i>Февраль 1895 г.</i>	43
ГЛАВА 3. <i>Март 1895 г.</i>	85
ГЛАВА 4. <i>Апрель 1895 г.</i>	114
ГЛАВА 5. <i>Май 1896 г.</i>	137
ГЛАВА 6. <i>Февраль 1897 г.</i>	198
ГЛАВА 7. <i>Апрель 1898 г.</i>	241
ГЛАВА 8. <i>Июнь 1898 г.</i>	302
ГЛАВА 9. <i>Март 1899 г.</i>	340
ГЛАВА 10. <i>Май 1899 г.</i>	410
ГЛАВА 11. <i>Октябрь 1899 г.</i>	472
От переводчика	539
Слова благодарности	540

ГЛАВА 1

Январь 1895 г.

По ночам к нему порой являлись мертвецы — снились знакомые лица, а также иные обличья, уже полузабытые, мимолетные вспышки из прошлого. Очнувшись нынче, он решил было, что до рассвета осталось едва ли больше часа; однако тянулись часы и часы, без звука, без движения. Он потрогал затекшие мышцы шеи, пальцы словно коснулись твердого дерева, но боли не было. Двигая головой, он буквально слышал, с каким скрипом подчиняются мускулы. Я точь-в-точь старая разохшаяся дверь, сказал он сам себе, прекрасно сознавая, что должен поскорее заснуть снова. Не годится ему бодрствовать в это время суток. Он жаждал погрузиться в блаженную черноту, оказаться в темном, но не слишком мрачном приюте отдохновения — отрешиться от людей и призраков, от назойливого мельтешения образов.

В следующий раз он пробудился в смятении, не отдавая себе отчета, где находится. Он частенько просыпался таким — встревоженным, не до конца оклемавшимся — и с тоской ждал неизбежного начала дня. Порой в дреме он воображал себя в кресле у стены старого дома в Беллосгардо и грелся в солнечном

мареве весеннего утра, вдыхая аромат глицинии, ранних роз и жасмина, наслаждаясь поцелуями солнечного света. И мечтал, что, когда он проснется, день будет подобен сну, а отблески этого душистого тепла и легкости останутся с ним до прихода следующей ночи.

Но этот сон был иным. Была ночь или сумерки в каком-то старом итальянском городе, наподобие Орвието или Сиены, но без явных указаний на какое-то определенное место; просто город-греза с узкими улочками, и он спешил; непонятно было, идет ли он один или с кем-то, но он определенно спешил, а вокруг было полно студентов, которые неторопливо поднимались вверх по улице, мимо ярко освещенных витрин магазинов, кафе и ресторанов, и ему не терпелось во что бы то ни стало их обогнать, оторваться от этой толпы. Как он ни старался, он все еще не мог сообразить, сопровождал ли его кто-то, или же ему просто померещился его спутник, а может быть, просто какой-то незнакомец шел в нескольких шагах позади. Он мало что мог припомнить об этом призрачном, зыбком попутчике, но вроде бы тот лучше его самого сознавал необходимость поторапливаться и то и дело бормотал ругательства, уговаривая прибавить шаг, и распахивал студентов безо всяких церемоний.

С чего бы вдруг ему мнилось все это? Кажется, на каждом перекрестке, где проблескивал переулок, ведущий на площадь, его подмывало свернуть с заполненной народом улицы, но ему не позволяли, заставляли двигаться дальше. Принадлежал ли этот

неумолимый голос его призрачному спутнику? Наконец перед ним открылась типичная итальянская пьяцца — обширное пространство, окруженное башенками и островерхими крышами, крытое лаковой гладью чернильно-синего неба. Он остановился, созерцая площадь, будто картину в раме, вбирая симметрию и текстуру. Однако — и он содрогнулся при этом воспоминании — в центре композиции оказались люди. Они образовывали круг, но он не видел ни одного лица, только спины. Он уже собрался было подойти к ним, и тут персоны, стоявшие к нему спиной, повернулись. У одной было лицо его матери — такое, каким он видел его в последний раз, в самом конце. Рядом, в окружении других женщин, стояла его тетюшка Кейт. Обе они были мертвы уже много лет; улыбаясь, они медленно приближались к нему. Лица их светились, точно лики на полотне. На ум пришло слово, — определенно, оно приснилось ему тогда же, когда и эта сцена: «Взываю». Женщины умоляли о чем-то его или кого-то другого, выпрашивали, заклинали и молитвенно простирали руки, но когда они наконец подошли, он пробудился в холодном поту, изнывая от безнадежного стремления узнать, о чем они томились, какое утешение он мог бы предложить этим двум самым любимым на свете существам.

Послевкусием сна стала гнетущая тоска, и, зная, что не должен опять засыпать, Генри ощутил непреодолимое желание начать писать, все равно что — что-нибудь, что поможет отрешиться, отвлечься от видения двух этих женщин, навеки для него потерянных.

ных. И закрыл лицо руками, вспомнив один-единственный момент своего сна, тот самый, что заставил его так резко пробудиться. Сейчас он отдал бы все на свете, чтобы забыть этот миг, помешать ему последовать за ним в наступивший день. Во сне, на той площади, он поймал взгляд матери и увидел в ее глазах панику, а на губах — застывший крик. Она отчаянно хотела чего-то недостижимого, чего не могла получить, а он был не в силах ей помочь.

В канун Нового года он отказался от всех приглашений. Леди Вулзли он написал, что целый день наблюдал за репетициями в компании толстых женщин из костюмерной. Он был охвачен беспокойством и смятением, а то и настоящей тревогой, но наблюдал за происходившим на сцене с восторгом и упоением неофита. Пусть леди Вулзли и ее супруг вознесут за него молитвы накануне премьеры его пьесы — та уже не за горами.

Весь вечер он бродил как неприкаянный, а ночью то и дело просыпался. Он не виделся ни с кем, кроме слуг, а те по опыту знали, что сейчас его нельзя беспокоить и лучше вообще не обращаться к нему, помимо совершенно уж неотложных вопросов.

Его пьеса «Гай Домвиль», о наследнике богатого католического семейства, который разрывается между желанием уйти в монастырь и чувством долга, побуждающим к продолжению рода, назначена к премьере пятого января; все приглашения разосланы, и многие адресаты уже прислали ответные письма с подтверждением и благодарностью. Александер,

режиссер-постановщик и по совместительству исполнитель главной роли, пользовался благосклонностью взыскательных театралов, а костюмы были поистине роскошными — действие происходит в восемнадцатом веке. И все же, несмотря на остроту нового увлечения, которое он испытывал, вращаясь при свете лампы в пестром актерском кругу, наслаждаясь крошечными изменениями и улучшениями, ежедневно вторгавшимися в пьесу, он не создан для театра, он всегда так считал. Генри вздохнул, садясь за письменный стол. Как бы ему хотелось, чтобы это был самый обычный день. Можно было бы перечитать вчерашние заметки, исправлять и редактировать, а потом все переписать заново, заполняя рабочее время привычной рутинной. И все же он знал, что его настроение может измениться так же быстро, как меркнет дневной свет в комнате, он вновь взалкает счастья театральной жизни и возненавидит общество пустых страниц. Должно быть, все эти метания — издержки пресловутого среднего возраста.

Его гостя явилась ровно в одиннадцать. Он не мог уклониться от встречи: письмо было филигранно-настойчивым. Она писала, что совсем скоро навсегда покидает Париж, а перед этим в последний раз посетит Лондон. В послании было что-то непостижимо окончательное, покорное судьбе, и эта интонация настолько не вязалась с ее характером, что он сразу осознал нешуточность беды, в которую она попала. Они не виделись много лет; впрочем, за эти годы он получал весточки от нее самой и известия о ней от общих знакомых. Однако этим утром, все еще преследуемый

своим сном и озабоченный своей пьесой, он воспринимал ее лишь как имя в дневнике, имя, пробуждающее старые воспоминания — резкие в своих очертаниях и блеклые в деталях.

Когда она вошла в комнату, ее стареющее лицо осветила теплая улыбка, ширококостная фигура двигалась плавно и неторопливо. Ее шутливое приветствие было таким открытым и ласковым, а глубокий голос, временами понижавшийся почти до интимного шепота, звучал так пленительно и мягко, что все его беспокойство о пьесе, о времени, которое он тратит впустую, не находясь в театре, растаяло без следа. Он и забыл, как сильно она ему нравилась; как же легко оказалось скользнуть в далекие парижские дни, когда он, юнец двадцати с небольшим, отчаянно втирался в компанию русских и французских писателей.

Как же случилось, что эфемерные, выдуманные образы со временем стали интересовать его куда больше, чем эти знакомые — снискавшие мировую славу, почившие в безвестности, те, чей лавровый венок стремительно увял, и те, кто никогда и не стремился к признанию. Его гостья была замужем за князем Облиским. Князь имел репутацию человека сурового и нелюдимого; судьба России и собственное, исполненное высоких целей изгнание интересовали его куда больше, чем ночные посиделки суетных представителей богемы. Княгиня тоже была русской по происхождению, но с юных лет жила во Франции. Княжескую чету неизменно окружали намеки, слухи и догадки. Как это характерно для того времени и того

города, подумал Генри. Ведь всех, кого он знал в Париже, осеняла аура другой жизни, полуреальной-полумистической, — жизни, о которой нужно знать, да помалкивать. В те годы он в каждом встречном искал приметы тайны, которую тот мог бы невольно выдать, прислушивался к подсказкам, улавливал нюансы. Ничего подобного не было ни в Нью-Йорке, ни в Бостоне, а когда он наконец поселился в Лондоне, тамошние жители вели себя согласно убеждению, что у вас не может быть никакого тайного, глубоко сокрытого «я», если только вы сами весьма решительным образом не заявляете обратного.

Он помнил, какой шок испытал, впервые оказавшись в Париже, окунувшись в эту культуру изящного двуличия, увидев всех этих мужчин и женщин, которых наперебой описывали романисты, как бы между прочим умалчивая о самой важной составляющей этой жизни.

Он всегда недолюбливал интриги, и все же ему нравилось обладать секретами, потому что чего-то не знать означало упустить почти все. Сам он научился никогда ничего не разглашать и вести себя совершенно бесстрастно, услышав какую-то новую важную информацию, — так, будто это пустячная светская болтовня. Обитатели и обительницы парижских литературных салонов точно разыгрывали сложную партию, состязаясь в знании и неведении, притворстве и маскировке. Он научился у них всем трюкам.

Усадив княгиню, Генри притащил охапку подушек, предложил любое кресло, шезлонг или кушетку, где ей будет удобнее присесть или даже прилечь.

— Людям моего возраста уже не бывает удобнее, — грустно улыбнулась княгиня.

Он перестал ходить по комнате и повернулся, чтобы посмотреть на нее. Ему было хорошо известно, какое воздействие оказывает на людей хладнокровный, внимательный взгляд его спокойных серых глаз. Под этим сосредоточенным взглядом собеседники успокаивались, точно сознавали: время недомолвок и легкомысленной игры в полуразговор миновало, то, что будет сказано далее, — очень серьезно.

— Я должна вернуться в Россию, — сказала она на своем отчетливом, подчеркнуто безупречном французском. — Вот что я должна сделать. Я говорю «вернуться», будто я на самом деле когда-нибудь там жила. Конечно, я бывала на родине, но, право же, никакого отпечатка на мне эти визиты не оставили. У меня нет ни малейшего желания снова увидеть Россию, но он настаивает — я должна покинуть Францию и поселиться там навсегда.

Как и все, что она говорила, эти слова сопровождались улыбкой, но на лице ее проступило какое-то тоскливое недоумение. Вслед за гостьей в комнату заявилось прошлое, а сейчас, годы спустя после смерти родителей и сестры, любое напоминание о былом и утраченном вызывало у него тяжелую и неудержимую скорбь. Время неумолимо, в молодости он и вообразить не мог, какую боль могут доставить потери; нынче спасение от этой муки ему дано искать лишь в работе и во сне.

По ее мягкому голосу и легкомысленным манерам было ясно: она ничуть не изменилась. Все знают, что

Тойбин К.

Т 50 Мастер : роман / Колм Тойбин ; пер. с англ. Е. Калявиной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 544 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-20645-8

Впервые на русском — роман Колма Тойбина, автора «Волшебника» и «Бруклина», книга — финалист Букеровской премии, лауреат Международной Дублинской премии IMPAC, «изысканное освещение внутреннего мира Генри Джеймса» (*New York Times*). Современный классик отдает дань уважения одному из столпов американской и мировой литературы, предтече модернизма. Выдающийся художник, мастер тонкого психологического портрета, показан во всей своей уязвимости и одиночестве — от провала постановки его пьесы «Гай Домвиль» в лондонском театре Друри-лейн, пока в соседнем театре публика рукоплещет премьере «Как важно быть серьезным» Оскара Уайльда, до визита в провинциальный английский городок Рай, где Джеймс поселился на склоне лет, его брата, философа Уильяма Джеймса, и с многочисленными реминисценциями к ключевым эпизодам биографии прославленного добровольного изгнанника, который предпочел Лондон, Флоренцию и Париж родному Бостону...

«Негромкий шедевр, работа необычайной серьезности и сопричастности, раскрывающая нам гения во всей его человеческой полноте. И написан этот глубокий роман — не боимся слова — мастерски» (*New York Observer*).

УДК 821.111

ББК 84(4Ирл)-44

КОЛМ ТОЙБИН

МАСТЕР

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Бобкова, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 28.11.2023.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 33,32. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит., Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-29534-01-R